

Луиза Мэй Олкотт

В СИРЕНЕВОМ САДУ

настроение читать

Настроение читать (Азбука-Аттикус)

Луиза Мэй Олкотт

В сиреневом саду

«Азбука»

1878

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Олкотт Л.

В сиреневом саду / Л. Олкотт — «Азбука», 1878 — (Настроение читать (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-33250-8

Луиза Мэй Олкотт – американская писательница, автор знаменитого романа «Маленькие женщины», который принес ей мировую славу и любовь читателей. До сих пор книга остается одним из самых значимых произведений американской литературы. В своем романе «В сиреневом саду» (1878) Олкотт рассказывает историю двенадцатилетнего мальчика по имени Бен и его верного пса Санчо, убежавших из цирка и после долгих скитаний нашедших новый дом в дружной, веселой семье. Как и в прочих книгах Олкотт, маленьким героям придется преодолеть множество трудностей, научиться терпению и прощению, и в этом им помогут искренняя любовь, дружба, отвага и вера. В настоящем издании текст сопровождается замечательными иллюстрациями американской художницы Элис Барбер Стивенс.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-33250-8

© Олкотт Л., 1878

© Азбука, 1878

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	19
Глава четвертая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Луиза Мэй Олкотт В сиреневом саду

Louisa May Alcott
UNDER THE LILACS

© А. Д. Иванов, А. В. Устинова, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

н а с т р о е н и е ч и т а т ь

Луиза Мэй Олкотт

В СИРЕНЕВОМ САДУ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

*Эмме, Иде, Карлу и Лине
эта маленькая книга с любовью посвящается
их новым другом и сестрой.*
Л. М. О.

Глава первая Таинственный пес

Аллея вязов совсем заросла. Огромные ворота в стене вечно стояли запертые. И старый дом тоже был заперт, многие годы оставаясь необитаемым.

Тем не менее оттуда порой доносились голоса, и тогда ветви сирени над высокой стеной принимались кивать, словно бы говоря: «Будь у нас такое желание, мы поведали бы вам превосходнейшие секреты». И коровяк, росший возле ворот, чуть не подпрыгивал, стремясь достать до замочной скважины, сквозь которую ему стало бы видно, что творится внутри. Если бы он действительно смог однажды июньским днем вдруг резко взмыть вверх, как бобовый стебель из сказки, и достигнуть желанной цели, ему открылось бы сколь забавное, столь и привлекательное зрелище: у кого-то намечался праздник.

От ворот к крыльцу шла широкая, вымощенная плитами из темного камня дорожка. Кусты по обеим ее сторонам сверху сошлись, а внизу их заполнили разнообразные дикорастущие цветы вперемешку с сорными травами, и походило это пространство на летний зал, стены которого украшены превосходными гобеленами. В центре дорожки виднелся стол из доски, подпертой двумя деревяшками и покрытой весьма потрепанным клетчатым платком. На нем с большой элегантностью был расставлен миниатюрный чайный сервиз. Истины ради стоит отметить, что чайник утратил носик, молочник – ручку, крышка у сахарницы отсутствовала, чашки и блюдца потрескались и обкололись, но разве вежливые гости обращают внимание на подобные мелочи? А пригласили на этот праздник гостей исключительно вежливых.

Слева и справа от крыльца стояло по скамейке, и здесь любому глазу, подглядывавшему сквозь вышеупомянутую замочную скважину, предстала бы картина весьма занимательная. На левой скамейке лежали семь кукол, на правой – шесть, и столь разнообразными гримасами были искажены их лица в зависимости от количества изъязнов, полученных в процессе краткого или длительного использования, и грязи, приставшей к ним, что напрашивалась вполне естественная догадка: это кукольная больница, и пациентам вскорости предстоит чаепитие. Но налети вдруг ветер и подними над куклами то, чем их укрыли до самых голов, вы с грустью бы убедились, насколько ложные представления о действительности складываются на основании слишком скоропалительных выводов.

Никакой больницы и никаких пациентов. Куклы лежали полностью одетые и совершенно готовые к празднику, попросту отдыхая перед его началом.

Другая деталь озадачила бы любого, кто незнаком с повадками и обычаями кукол. Четырнадцатая кукла – девочка с тряпичным телом и фарфоровой головой – висела на входной двери на ржавом дверном молотке. Блестящие ее светлые кудри увенчивала гирлянда из крохотных цветов, над головой колыхалась веточка лиловой сирени, тонкую изящную фигурку облегалo желтое платье из набивного ситца, щедро украшенное красными фланелевыми воланами, синие ботиночки на ногах если не самым изящным, то уж определенно дружелюбным образом развернулись друг к другу мысками. Любое юное сердце, способное сострадать, ждалось бы от сочувствия и замешательства. Почему, ох, почему столь прекрасная куколка оказалась обречена на повешение? Отчего на нее так тарашатся тринадцать сородичей? Казнь преступницы повергла их наземь от ужаса? Или она совсем не преступница, а их идол и ей принято поклоняться лежа? Ни то ни другое, друзья мои. Эту куклу-блондинку звали Белинда. Место на двери считалось самым почетным. И висела она там сейчас в честь седьмого своего дня рождения – великого события, по поводу которого вскорости должен был состояться праздник. Все, конечно же, ждали приглашения к праздничному столу, но отличались до того безупречным воспитанием, что ни один из двадцати семи глаз ни разу не повернулся в ту сто-

рону. Именно двадцати семи, так как с гарусного лица голландца Ганса одна черная бусинка-глаз потерялась. И восхищенные взгляды всех чинно лежащих рядами кукол были направлены исключительно на Белинду. Радость и гордость до того распирали ее набитую опилками грудь, что едва не лопались швы, и она, не в силах сдержать эмоции, то и дело подпрыгивала, стоило налетевшему ветерку раздуть ее желтые юбки, или при его же деятельной поддержке синие ботиночки принимались выплясывать на двери танец, напоминающий джигу. Висеть на двери ей было явно не больно, о чем свидетельствовала ее счастливая улыбка. По-видимому, красная ленточка не слишком сдавливала ей шею. А если сама виновница торжества не жаловалась, кто же из остальных имел право на это? Тишина стояла торжественная и полная. В нее не вторгался даже храп Дайны, от которой был виден из-под одеяла только тюрбан. И малышка Джейн помалкивала, хотя ножки ее оголились, что у менее воспитанного младенца наверняка вызвало бы негодующий писк.

Вскоро издала раздались голоса, они делались все отчетливее и громче, и наконец из арки, ведущей к боковой дорожке, вышли две девочки. Одна несла небольшой кувшин, другая гордо тащила прикрытую салфеткой корзину. Они могли показаться близняшками, на самом же деле возраст их разнился в год, хотя старшая, Бэб, ростом была всего на дюйм выше Бетти. Коричневые их платья из ситца после недели носки утратили немного свою свежесть, зато чистые розовые фартучки, надетые в честь предстоящего события, придавали девочкам настолько праздничный вид, что даже унылость серых чулок и грубость тяжелых ботинок не особенно бросались в глаза. На круглых, загорелых лицах обеих играл румянец. Курносые носы покрывала легкая россыпь веснушек. Голубые глаза весело поблескивали. За спинами болтались косички, совсем как у милых девочек Кенвигс из романа Диккенса «Николас Никльби».

– Ну разве они не прелестно выглядят! – воскликнула Бэб, с материнской гордостью глядя на левый ряд кукол, которые могли бы весьма подходяще к случаю хором пропеть в ответ: «Нас семеро!»¹

– Очень мило, – согласилась Бетти. – И Белинда моя лучше всех. По-моему, она самый прелестный ребенок на свете.

С этими словами Бетти, поставив корзину на землю, освободила руки и устремилась обнять свою подвешенную любимицу, которая в очередном радостном порыве вскинула ноги.

– Пирог, возможно, остынет, пока мы приводим в порядок детей, – сказала Бэб. – Ах, как же он аппетитно пахнет, – добавила она, приподняв салфетку и с удовольствием поглядев на маленький круглый хлебец внутри.

– Оставь мне немного запаха, – потребовала Бетти, бегом поспешая назад и желая получить по-честному долю пряного аромата, которая ей причиталась.

И два курносых носика принялись упоенно вдыхать его, а четыре блестящих глаза разглядывали прекрасный пирог – золотистый, блестящий, с аппетитной корочкой, да к тому же еще с буквой «Б», которая, правда, с положенного ей места посередине сползла почему-то на сторону.

– Мама мне позволила положить ее в самый последний момент, и она так припеклась, что я уже не могла потом поправить. Но если мы отдадим кусок с буквой Белинде, все будет в порядке. – Бетти взяла бразды правления в свои руки: виновницей праздника как-никак было ее дитя.

– Давай посадим их в кружок, – сказала Бэб и, подпрыгивая, подсакивая и приплясывая, отправилась собирать свое семейство.

Бетти не возражала, и нескольких следующих минут сестры сосредоточенно рассаживали своих питомцев вокруг стола. Задача, заметим, отнюдь не простая. Ведь некоторые из этих

¹ Отсылка к одноименному стихотворению Уильяма Вордсворда (1770–1850) о девочке и шестерых ее братьях. – *Здесь и далее примечания переводчиков.*

милых существ были столь мягкими, что едва удерживались в сидячих позах, а другие до того жесткими, что стульчики им негодились. Вот и пришлось изобретать на ходу конструкции, которые соответствовали особенностям телосложения каждой куклы.

Справившись наконец с этим утомительным делом, любящие мамочки отступили назад, чтобы понаслаждаться зрелищем, и оно, уверяю вас, действительно впечатляло. Белинда с большим достоинством восседала во главе стола. Руки ее изящно придерживали на коленях носовой платочек из розового батиста. Места рядышком с ней удостоился ее кузен Джозефус в элегантном новом хлопковом зелено-лиловом клетчатом костюме и соломенной шляпе, великоватой его голове на несколько размеров, из-за чего выразительное лицо кузена почти скрывалось от посторонних глаз. А по обе стороны от новорожденной сидели гости самых разнообразных размеров, комплекций и возрастов, да к тому же и разностильно одетые, так как при выборе своего гардероба полностью проигнорировали веяния моды.

– Они, вероятно, хотят, чтобы мы подали им чай. Ты не забыла про булочки? – с тревогой осведомилась Бетти.

– Нет. Я принесла их в кармане, – ответила Бэб, выуживая из кучи предметов, которые у нее там хранились, две порядком зачерствевшие и обкрошившиеся булочки, сбереженные для праздника от обеда. Девочки нарезали их на кусочки и разложили на тарелочки, изящно расставленные вокруг пирога, еще по-прежнему пребывавшего в корзине.

– Ма не смогла дать много молока, поэтому нам придется разбавить его водой. Так даже лучше. Ма всегда говорит, что чересчур крепкий чай детям вреден. – Бэб кинула взгляд на маленькую бутылочку со снятым молоком, прикидывая, до какого объема нужно его довести, чтобы утолить жажду всей кукольной компании.

– Давай-ка сядем и отдохнем, пока чай настаивается, а пирог остывает. Я так устала, – выдохнула Бетти, садясь на крыльцо и вытягивая пухлые ножки, которые весь этот день непрерывно двигались. Ведь наслаждению замечательным праздником предшествовало немало работы.

Бэб села рядом с сестрой и принялась лениво глядеть на дорожку к воротам, где тонкое кружево паутины сияло, вызолоченное полуденным солнцем.

– Ма говорит, теперь, после бури, стало теплее и суше, и она через пару дней собирается в Старый Дом, а мы можем пойти вместе с ней. Прошлой осенью, ты ведь помнишь, она нас не взяла, потому что у нас был коклюш, а там было сыро. Наконец-то мы увидим все самое интересное. Правда здорово? – чуть помолчав, добавила Бэб.

– Еще бы. Ма говорит, там в одной комнате много книг, и я их смогу посмотреть, пока она займется делами. Может, даже какие-нибудь прочесть успею и потом перескажу тебе, – откликнулась Бетти. Она обожала сказки, только вот у нее редко появлялись новые.

– А я бы хотела увидеть старое веретено на чердаке, большие картины и ту необыкновенную одежду в синем сундуке, – лелеяла свои планы Бэб. – Жутко злит, что там заперто. Мы могли бы весело проводить с тобой время внутри. Вот прямо вышибла бы эту старую дверь! – Бэб развернулась, изготовившись пнуть ее ногой в тяжелом ботинке. – И не смейся. Тебе точно так же этого хочется. – Бэб отвернулась от двери, немного стыдясь своего порыва.

– Я не смеялась, – заверила Бетти.

– Смеялась, – упорно стояла на своем Бэб. – Думаешь, я не поняла?

– А я поняла, что не смеялась.

– Смеялась. И не смей мне врать.

– Если повторишь это еще раз, возьму Белинду и уйду с ней домой. Что ты тогда станешь делать?

– Съем пирог.

– Нет, не съешь. Ма сказала, он мой, а ты сегодня пришла со мной за компанию. Так что веди себя как следует. Иначе не стану устраивать праздник. Вот.

Леденящая душу угроза, высказанная далеко не шуточным тоном, возымела эффект, и Бэб тут же поторопилась перевести разговор на более безопасную тему:

– Ладно. Давай-ка при детях не ссориться. Ма говорит, когда в следующий раз пойдет дождь, она разрешит нам играть в каретном сарае, и мы можем даже ключ от него оставить себе, если хотим.

– Ой, замечательно! Наверное, она так решила после того, как мы рассказали ей про маленькое окошко, которое обнаружили за плющом. Пролететь внутрь сквозь него ничего не стоило, но мы не стали! – воскликнула Бетти, очень довольная, что сестра больше не злится. За десять лет знакомства с ней она успела достаточно свыкнуться с ее взрывным характером и научилась быстро гасить назревающие конфликты.

– Карета, наверное, там вся в пыли, крысах и пауках, но мне все равно, – решительно проговорила Бэб. – Ты с куклами можешь стать пассажиркой, а я буду кучером.

– Ты всегда им становишься. А мне, между прочим, надоело постоянно быть лошадьёю с деревянным мундштуком во рту, чтобы ты меня дергала за руки, как за вожжи, – посетовала Бетти, которой давно наскучила эта роль.

– По-моему, нам уже пора набирать воду, – поторопилась отвлечь ее Бэб, опасаясь, как бы ей самой не пришлось согласиться стать лошадьёю.

– Мало кто решился бы оставить своих детей наедине с таким прекрасным пирогом, – горделиво заметила Бетти, когда они поспешили с маленькими железными ведерками в руках к ручью.

Но горе излишне беспечным мамам! Отлучившись всего на каких-нибудь пять минут, они застали по возвращении картину настолько ошеломляющую, что у них от ужаса вырвался дружный вопль. Все четырнадцать кукол лежали плашмя вниз лицом, а драгоценный пирог исчез.

Мгновение они стояли, в силах лишь немо взирать на свершившуюся катастрофу, а затем Бэб яростно отшвырнула свое ведро и свирепо выкрикнула:

– Это Салли! Она пригрозила мне отомстить за то, что я ее шлепнула, когда она стала щипать маленькую Мэри Энн. И вот ее месть. Ну я ей задам! Ты беги в эту сторону, а я – в ту. Скорее! Скорее!

И они побежали. Бэб вперед, а обескураженная Бетти развернулась и что было сил затрусила в противоположном направлении, выплескивая на себя воду, потому что в расстроенных чувствах забыла оставить ведро. Так они с разных сторон обежали дом и у задней двери врезались друг в друга, однако ни та ни другая нигде не заметили признаков вора.

– Наверх к аллее! – воскликнула Бэб.

– Вниз к ручью! – пропыхтела Бетти.

И они вновь понеслись каждая в свою сторону. Одна – к стене, чтобы, забравшись на гору камней, выглянуть на аллею, другая – туда, где они набирали воду. И все равно девочки никого не увидели. Лишь ни в чем не повинные одуванчики взирали на Бэб да Бетти вспугнула внезапным своим появлением коричневую птицу, которая мирно купалась в ручье.

Они помчались обратно, и там их подстерегало новое потрясение, от которого им пришлось с дружным паническим «ой!» взлететь в поисках убежища на крыльцо. Посреди руин пира преспокойно стоял незнакомый пес, нагло и самодовольно облизываясь после съеденных булочек и пирога, похоже поглощенного им вместе с корзиной и прочим, что к нему прилагалось.

– Какой негодяй! – вскричала Бэб, горя желанием дать достойный отпор узурпатору и в то же время опасаясь, что пес может оказаться не только бесчестным, но и опасным.

– Он очень похож на нашего фарфорового пуделя, – заметила съездившаяся Бетти, прячась за спину своей более решительной сестры.

Сходство и впрямь усматривалось, с той только разницей, что этот пес был гораздо больше и грязнее, чем их тщательно промытое изделие из китайского фарфора. Но шерсть на том и другом выглядела одинаково: коротко стриженная, за исключением пышной, как у льва, гривы, оборочек внизу на лапах и кисточки на хвосте. Правда, глаза у настоящего были желтые, в отличие от блестяще-черных глаз фарфорового, и нос не черный, а розовый. Ну и главное, фарфоровый пудель, уже три года чинно стоящий на каминной полке в гостиной, нипочем не пустился бы на столь ошарашивающие проделки, изумившие двух девочек.

Сперва он вытянул вертикально вверх тело, передние лапы сложил вместе, будто о чем-то выпрашивая. Затем неожиданно вскинул задние лапы в воздух и принялся с легкостью ходить на передних. Сестры еще до конца не пережили это потрясение, когда пес снова встал на задние лапы и, вытянувшись в струнку, несколько раз по-военному промаршировал взад-вперед. Венцом же этого представления стало следующее: пес изогнулся кольцом, поймал зубами собственный хвост, закрутился по дорожке над лежащими вниз лицом куклами, проследовал, словно вальсируя, до самых ворот и вернулся обратно, едва не опрокинув разоренный стол.

Бэб и Бетти, держась друг за друга, лишь взвизгивали от восторга. Никогда еще им не доводилось видеть что-то настолько смешное. Но, завершив свои трюки, пес подошел к крыльцу, встал перед девочками на ступеньки, принялся громко лаять и принюхиваться своим розовым носом к их ногам. Под пристальным взглядом его желтых глаз сестры замерли. Страх снова вернулся к ним. Им было боязно даже пошевелиться.

– Вон отсюда! Уходи! – все же нашла в себе силы скомандовать Бэб.

– Брысь! – следом за ней произнесла дрожащим голосом Бетти.

К их великому изумлению, это подействовало. Незванный гость еще несколько раз вопрошительно гавкнул и ринулся прочь так же стремительно, как и появился. Девочки бросились следом. Им интересно было узнать, куда он побежал, и, пронесшись по саду, они увидели в дальнем его углу хвост с кисточкой, который, скользнув под оградой, исчез.

– Как ты думаешь, откуда он? – сев отдышаться на большом камне, спросила Бетти.

– Мне бы тоже хотелось узнать. Нашла бы его и вздула как следует, – свирепо проговорила Бэб, вспомнив о нанесенном уроне.

– Надеюсь, он хоть обжегся, когда ел наш пирог, – с грустью произнесла Бетти, подумав о дюжине превосходных изюмин и о других очень вкусных вещах, которые мама дала им для этого пирога.

– Праздник испорчен. Пошли отсюда. – И Бэб с унылым видом двинулась к дому.

Лицо Бетти сморщилось в готовности заплакать от горя, но вместо этого она вдруг расмеялась:

– Ой, как уморительно он кружился, а после на голове ходил! Хотела бы я это снова увидеть. А ты?

– Да. Но я все равно его ненавижу. Интересно, что скажет ма, когда... Но это... Как это?... – И Бэб резко остановилась, до такой степени округлив глаза, что они могли посоперничать величиной со стоявшими на чайном подносе голубыми блюдами.

– Что случилось? Ой, что случилось? – вскричала Бетти, готовая улепетывать со всех ног от любого нового ужаса.

– Видишь? Там. Он вернулся, – выдохнула потрясенным шепотом Бэб, указывая на стол.

Едва глянув в ту сторону, Бетти округлила глаза еще сильнее сестры. Потому что там, на том самом месте, где девочки его сначала оставили, снова возник пропавший пирог. Точно такой же, как был, несколько не пострадавший, только большая буква «Б» съехала еще ниже по склону имбирного холма.

Глава вторая

Где нашелся его хозяин

Пораженные до глубины души, обе сестры, словно по команде, с опаской подкрались к пирогу и дотронулись до него робкими пальчиками, вполне ожидая, что он может вдруг подлететь и таинственным образом вновь испариться. Пирог, однако, по-прежнему смиренно лежал в корзинке. Девочки облегченно перевели дух. В фей, вообще-то, они не верили. Вот только чем, кроме их колдовских проделок, объяснить цепь последних событий?

– Собака его не съела!

– Салли его не брала.

– Откуда ты знаешь?

– Она никогда бы его не вернула.

– Кто же тогда?

– Не знаю, но кто бы это ни был, я его прощаю.

– Ну а нам-то теперь чем заняться? – спросила Бетти, весьма сомневаясь, что после пережитых треволнений возможно посвятить себя безмятежному чаепитию.

– Съедем поскорее пирог. – И Бетти, ловко взмахнув большим ножом, моментально разрешила обретенного беглеца, видно страшась, как бы он опять не выкинул какое-нибудь коленце.

Умять пирог много времени не потребовалось, потому что, во-первых, они запивали его молоком, а во-вторых, торопливо жевали, то и дело бдительно оглядываясь. Ведь если странный пес столь быстро исчез, то мог столь же быстро и появиться.

– Вот теперь хотела бы я посмотреть на того, кто попробовал бы отнять мою порцию, – вызывающе проговорила Бэб, дожевывая последнюю корочку.

– Или мою, – прокашляла Бетти, у которой в горле застрял изюм.

– Теперь давай наведем порядок и поиграем, будто здесь случилось землетрясение, – предложила Бэб, посчитавшая, что ничем, кроме природного катаклизма, не объяснишь уныния, охватившего ее кукольное семейство.

– Прекрасно! – с удовольствием поддержала идею Бетти. – Бедную мою Линду сбросило носом вниз. Милая моя деточка, иди скорей к своей мамочке, чтобы она тебя привела в порядок, – промурлыкала она, поднимая упавшую куклу из зарослей мокричника и стирая грязь с продолжавшего героически улыбаться кукольного лица.

– У нее сегодня наверняка случится круп, поэтому необходимо сделать микстуру из сахара, – сказала Бэб, обожавшая лечить кукол.

– Может, случится, а может, и нет, только не надо было тебе сейчас чихать. Если потребуется, я и сама могу чихнуть за своих детей. Спасибо, не надо, мэм, – резко осатила ее Бетти, чье дружелюбие сильно убыло после пережитых событий.

– Да совсем я и не чихала. Очень нужно. Хватит с меня забот о собственных бедных малютках. Говорить за них, плакать, укачивать. Некогда мне заниматься еще и твоими! – резко ответила Бэб, охваченная нервозностью даже сильнее сестры.

– Кто же тогда чихал? Я только что слышала настоящий чих. – Бетти глянула на зеленую крышу, полагая, что звук в таком случае раздавался оттуда.

Там, однако, не обнаружилось никого, кроме желтой птицы. Устроившись на высоком кусте сирени, она раскачивалась и чирикала.

– Но птицы ведь не чихают, правда? – Бетти принялась пристально оглядывать золотистое пернатое существо.

– Вот глупая. Конечно же нет, – откликнулась Бэб.

– Тогда мне хотелось бы знать, кто здесь, совсем рядом, смеется и чихает? Может, тот самый пес? – не переставала недоумевать Бетти.

– В жизни не слышала, чтобы собаки смеялись, разве что в «Сказках матушки Гусыни», – отозвалась Бэб. – Но этот пес вообще странный. Может, он и умеет. Все-таки интересно, куда он девался? – И в надежде снова увидеть забавного пуделя она внимательно оглядела обе боковые дорожки.

– А вот я знаю, куда сейчас пойду, – сказала Бетти и принялась энергично, но не слишком аккуратно собирать своих кукол в фартук. – Мне надо домой, рассказать все ма. Не хочу больше здесь оставаться. Мне страшно.

– А мне ничуть не страшно. Только вот вроде как дождь собирается, и мне из-за этого тоже лучше вернуться домой.

Она убрала стол самым простым и ускоренным способом, подняв скатерть за все четыре угла. Получившийся куль с гремящей внутри посудой отправился в ее фартук, сверху она покидала своих детей и объявила, что готова идти.

Бетти замешкалась на мгновение, подхватывая с дорожки разные мелочи, которые мог испортить дождь. Затем она отвязала от дверного молотка красную ленточку и, когда развернулась, собираясь спуститься с крыльца, увидела на ступеньке две прекрасные розовые розы.

– Ой, Бэб! Посмотри! Именно те, которые мы хотели! Правда здорово, что ветер их нам принес? – прокричала она, подобрав цветы и устремляясь вслед за сестрой, которая угрюмо шествовала впереди, напряженно высматривая бдительным взглядом свою заклятую врагиню Салли Фолсом.

Цветы заметно подняли обеим девочкам настроение. Этот сорт роз настолько им нравился, что они едва сдерживались от желания взобраться вверх по шпалерам и добыть их себе. И наверное, все же добыли бы, не запрети им ма совершать подобные подвиги, после того как Бэб, пытаясь добраться до жимолости, полезла по дикому винограду, который обвил все крыльцо, и сверзилась вниз.

Дома, обрушив на миссис Мосс рассказ о своих приключениях, дочери сильно ее позабавили, но ни в малейшей степени не встревожили. Все, что произошло в саду, она сочла проделками каких-нибудь их приятелей по играм. Даже пугающая история о таинственных чихе и смехе, исторгнутых совсем рядом с девочками кем-то загадочным и совершенно невидимым, вызвала у нее лишь улыбку.

– В понедельник схожу туда и выясню, что там творится, – вот и все, что она сказала по этому поводу.

Но в понедельник у миссис Мосс не вышло осуществить свой план, потому что зарядивший накануне дождь все еще продолжался, и девочки в школу скорее не шли, а плыли, как пара утят, по огромным лужам, удовольствие от которых им позволяли в полной мере вкусить непромокаемые сапоги из индийской резины. На большой перемене Бэб и Бетти, поделившись с одноклассницами тем, что дала им ма с собой на обед, сильно их развлекли рассказом о таинственном псе, поселившемся где-то поблизости. Некоторые из их знакомых, как выяснилось, тоже застигли его за изучением своих задних дворов, однако ни перед кем, кроме Бэб и Бетти, он своих трюков не демонстрировал. Сестры, тут же заважничав, начали с гордостью называть странного пуделя «наш пес», но загадочное перемещение пирога так и осталось необъяснимым. Салли Фолсом убежденно клялась, что они с Мэми Сноу как раз в то время играли в салочки. Других тоже поблизости от дома с сиренью не было. Только Бэб и Бетти. И никто не мог пролить свет на это событие.

Озадачены тем не менее оказались все. Даже Учительница начала рассказывать такие захватывающие истории про жонглеров, которых однажды видела, что пончики остались лежать забытыми в ведерках для обеда, а руки с кусками пирогов замерли в воздухе по пути ко рту. На ближайшей же перемене, уже во второй половине дня, Бэб чуть не вывихнула себе

все суставы, пытаюсь изобразить выкрутасы пуделя, потому что, хотя прежде она с успехом проделывала их у себя на постели, пол школьного сарая оказался гораздо меньше для этого приспособлен, о чем ей сразу же сообщили колени и локти.

– У пуделя выходило очень легко, но я прямо не знаю, как это сделать, – сказала она, брякнувшись об пол после весьма безуспешной попытки пройти на руках.

– Божечки! Вот же он! Прямо здесь! – воскликнула Бетти, сидевшая на небольшой кучке дров возле двери.

Остальные немедленно устремились туда же, и все шестнадцать девочек с таким видом выглянули на дождливую улицу, будто ожидали увидеть там Золушку в волшебной карете, а не уныло бредущего по раскисшей грязи пса.

– Ой, позовите его сюда, пусть потанцует! – по-воробыному звонко прошептала стая девочек.

– Сейчас позову. Мы с ним уже почти друзья, – сказала Бэб, совершенно забывшая, как всего два дня назад пыталась прогнать его и осыпала угрозами.

Только, похоже, пес об этом не забыл, потому что он, хотя и замер на месте, задумчиво глядя на них, но подходить остерегся и мок под дождем – грязный, клочковатый, медленно повиливая хвостом с кисточкой да многозначительно указывая розовым носом на почти опустошенные ведерки и корзинки для еды.

– Он голодный, – первой сообразила Салли. – Дайте ему поесть. Тогда он поймет, что мы ему зла не желаем. – И она щедро внесла свой вклад последним куском хлеба с маслом.

Бэб подхватила свое ведро и, сложив в него все остатки еды, попыталась приманить пса, но тот оставался под проливным дождем. Лишь сел в просительной позе, глядя с мольбой на девочек.

– Бедный, он ведь от голода просто умирает, – с жалостью проговорила Бэб. – Давайте не будем ему мешать. Пусть спокойно поест.

И, поставив на пол ведро, она вместе с остальными девочками попятилась подальше от двери. Увы, ожидаемой благодарностью за их доброту и сочувствие пес им не ответил. Едва поняв, что подход к ведру для него безопасен, он в стремительном рывке достиг его, схватил зубами за ручку и унесся с ним прочь. Девочки закричали, особенно громко Бэб с Бетти, потому что новенькое обеденное ведро принадлежало им, и они уже собирались погнаться за похитителем, но тут звонок призвал их к следующему уроку. Пришлось возвращаться в класс, где мальчики, увидев, каким они охвачены волнением, тут же принялись выяснять причину.

К концу учебного дня дождь прекратился, выглянуло солнце, и сестры поспешили домой, торопясь поведать о своих бедах ма и найти в ней сочувствие, которое она выражала всегда замечательно. Вот и на сей раз, выслушав их, она осталась верна себе:

– Ничего страшного, дорогие мои. Если он не вернет ведро, как возвратил раньше пирог, я дам вам другое. Ну и, так как на улице играть еще слишком мокро, можете пойти в каретный сарай. Я ведь вам обещала. Надевайте-ка резиновые сапоги – и вперед.

В свете такой восхитительной перспективы досадная потеря ведерка была моментально забыта, и девочки устремились вприпрыжку по гравийной тропинке к сараю, а миссис Мосс, тщательно подоткнув юбку и захватив с собой связку ключей, последовала за ними. Она приглядывала за домом, участком и всем, что на нем находилось, и домик, где они жили с девочками, назывался домом привратника.

Маленькая дверца в одной из створок ворот сарая запиралась изнутри на засов, а на створках висел замок. Миссис Мосс открыла его. Створка ворот распахнулась. Девочки ринулись внутрь, охваченные столь сильным волнением и любопытством, что, когда оказались возле старинной кареты, у них даже сил не хватило на восхищенные возгласы. Бэб поднялась на облучок, Бетти взбежала по ступенькам к дверце кареты, но обе тут же устремились вниз рез-

вее, чем поднимались, едва услышали из темной ее глубины громкое гавканье, а затем приказ тихим голосом:

– Лежать, Санчо, лежать.

– Кто здесь? – сурово осведомилась миссис Мосс, попятившись вместе с девочками, которые крепко ухватили ее за юбку.

Из разбитого окошка высунулась прекрасно знакомая сестрам белая кудрявая голова и тихо заскулила, словно заверяла: «Не тревожьтесь, леди. Мы ничего вам плохого не сделаем».

– А ну выходите! Или я сама вас вытащу! – отважно выкрикнула миссис Мосс, приметив под каретой среди какого-то ужасающего тряпья ноги в маленьких пыльных ботинках.

– Да, мэм. Сейчас выйду, – ответил ей кроткий голос, и то, что казалось кулем рваных тряпок, вынырнуло из темноты. Белый пудель был тоже уже тут как тут. Он уселся у ног хозяина, и бдительный его вид свидетельствовал о готовности атаковать каждого, кто подойдет к ним слишком близко.

– А теперь отвечай, кто ты и как попал сюда? – потребовала миссис Мосс, и хоть вопрос ее прозвучал достаточно строго, в глазах при виде тщедушной несчастной фигурки затеплилась истинно материнская жалость.

Глава третья

Бен

– Звать меня Бен Браун, мэ, и я путешествую.
– И в какую же сторону?
– Да в какую угодно, только б работу найти.
– А что делать умеешь?
– Да разное. Я к лошадям привычный.
– Господи благослови! Такой маленький паренек, как ты? – охнула миссис Мосс.
– Мне двенадцать, мэ. И ездить могу на всем, у чего четыре ноги имеется, – кивнул он с таким выразительным видом, будто готов был воскликнуть: «Дайте мне только корабль, а уж я с ним управлюсь!»

– Родные-то у тебя какие-то есть? – поинтересовалась удивленная миссис Мосс: вид Бена вызывал у нее некоторое беспокойство, до того изможденным выглядело его загорелое лицо с запавшими то ли от голода, то ли от боли глазами. Силы у мальчика в истрепанной донельзя одежде были явно на исходе. На ногах он держался с трудом, опираясь о колесо кареты.

– Я, мэ, у чужих жил, и меня так били, что пришлось от них убежать.

Признание вырвалось у него, похоже, невольно и лишь потому, что он как-то совсем по-детски почувствовал к миссис Мосс доверие.

– Ну тогда и винить тебя не могу, – сказала она. – Почему же ты именно здесь решил задержаться?

– Устал до того, что не мог идти дальше, и понадеялся, что в большом этом доме найду приют. Но я все равно уже не мог двигаться. Вот и лег прямо снаружи.

– Бедняга, как же ты, видать, вымотался. Да и чему ж удивляться, – проговорила сочувственно миссис Мосс, в то время как ее дочерям представилось интересным то обстоятельство, что прервал он свой путь именно возле их ворот.

Мальчик шумно и глубоко вздохнул. Глаза его, несмотря на бедственное состояние, заблестели, а нос наострил уши, едва услышав свое имя:

– Вот, значит, я там отдыхал и вдруг слышу разговор за оградой, а потом увидел этих девочек. Они играли. Их еда выглядела так вкусно. Мне очень ее захотелось съесть, но я ничего не взял. Это Санчо унес для меня пирог.

– И ты заставил его отнести пирог обратно? – воскликнула Бэб.

– Нет, я сам это сделал. Перелез через калитку, пока вы носились за Санчо, а потом на крыльцо поднялся и спрятался, – с улыбкой объяснил Бен.

– И ты там смеялся? – задала новый вопрос Бэб.

– Да.

– И чихал? – любопытствовала Бетти.

– Да.

– И кинул нам сверху розы? – хором спросили обе сестры.

– Да. И они вам понравились.

– Еще бы! – подтвердила Бэб. – Но зачем ты прятался?

– Чтобы меня не увидели вот таким, – пробормотал Бен, кинув полный смущения взгляд на свои лохмотья, из-за которых ему явно хотелось бы снова укрыться от посторонних глаз под каретой.

– А в сарай как попал? – сочла своим долгом выяснить миссис Мосс, которая всегда помнила об ответственности за сохранность вверенной ее попечению собственности.

– Услышал их разговор про окно за плющом и, как только они ушли, отыскал в нем лаз. Там ведь стекло разбито. Мне лишь пришлось один гвоздик вытащить. Но я ничего не испортил, хоть и остался на целых две ночи. Думал сперва уйти в воскресенье, но от усталости ноги не шли.

– И ты возвратился назад? – спросила миссис Мосс.

– Да, мэм. Под дождем-то меня совсем тоска одолела. А это место все же немного похоже на дом. И голоса их снаружи мне слышались. – Он посмотрел на девочек. – Так что вроде и не совсем в одиночестве. Потом Санчо еще и еду нашел. В общем, мне было вполне неплохо.

– Ну и дела! – воскликнула миссис Мосс, хватаясь за угол фартука, чтобы вытереть им глаза, а заодно скрыть, насколько сильно ее тронула история мальчика, который, два дня и две ночи ютась в каретном сарае, спал вместо кровати на кучке затхлой соломы и питался лишь крохами, добытыми для него верным псом. – Знаешь, как я с тобой поступлю? – Она старалась держаться невозмутимо, но губы ее невольно тронула сочувственная улыбка, а с пухлой румяной щеки скатилась предательская слеза.

– Не знаю, мэм, – откликнулся мальчик. – Я к любому готов. Только уж с Санчо, пожалуйста, будьте помягче. Он очень помог мне, и мы с ним большие друзья. Правда ведь, старина? – Бен обнял пса с таким видом, что стало ясно, насколько тревожится он за его судьбу.

– Ну, если к любому готов, то для начала я тебя отведу к нам домой – помыть, накормить да спать уложить в постель настоящую. А завтра... Ну, насчет завтра после решим, – договорила она, толком еще не понимая, как поступить с ним в дальнейшем.

– Вы очень добры, мэм, и уж я для вас с удовольствием поработаю. Не найдется ли у вас лошади, за которой мне можно было бы приглядывать? – осведомился с надеждой мальчик.

– Ничего у меня из живности не найдется, кроме курей да кошки.

Бэб и Бетти встретили ее слова хохотом, а Бен лишь тихонько хмыкнул, ибо только на это ему сейчас и хватило сил, хотя, ощущая он себя покрепче, наверняка бы тоже расхохотался. Но дрожание от слабости ноги едва держали его тщедушное тело, голова вдруг стала кружиться, в глазах появилась резь. Бен заморгал, как соенок, попавший на яркий свет, и только Санчо, на которого он оперся, не позволил ему упасть. Миссис Мосс больше не медлила.

– Идем со мной, дитя, – сказала она. – А вы, девочки, бегите вперед, подогрейте остатки бульона да чайник наполните, пока мы тут с Беном во всем разберемся.

Тут миссис Мосс, внезапно охваченная опасением, не болен ли чем-нибудь ее новый подопечный, подошла к нему и пощупала пульс. Болезнь-то могла оказаться заразной, и в таком случае его не следовало вводить в дом. Рука, покорно протянутая ей, оказалась очень худой, но чистой и прохладной. И взгляд черных глаз, хоть и глубоко запавших из-за того, что мальчик был полумертв от голода, не свидетельствовал о болезни.

– Пообносился я сильно, но я не грязный. Вчера под дождем удалось помыться. И до этого все последнее время жил у воды, – сообщил Бен, удивляясь, отчего миссис Мосс так пристально на него смотрит.

– Ну-ка высунь язык, – скомандовала она.

Язык тут же высунулся, но почти сразу исчез, и Бен быстро проговорил:

– Я не больной, а просто голодный. Три дня-то последние еда у меня была только та, которую добывал Санчо. А я с ним всегда делюсь. Правда ведь, старина?

Пес в подтверждение оглушительно гавкнул, а потом заметался между хозяином и выходом из сарая. Похоже, вполне поняв ситуацию, он настоятельно рекомендовал миссис Мосс поспешить с предоставлением обещанных еды и приюта. Та намек поняла и тут же велела Бену взять свои вещи и следовать за ней.

– Да вещей-то и нет, – развел руками он. – Узелок у меня какие-то большие ребята отняли, иначе бы я до того паршиво не выглядел. А так могу взять только это. – Он извлек

из-под кареты обеденное ведро девочек. – Мне жаль, что Санчо унес его. Если бы знал, чье оно, давно бы уже возвратил.

– Дело прошлое, – отмахнулась миссис Мосс. – Ведро мое, а то, что в нем утащил твой пес, было твоим. Ну же. Пошли. Мне запереть здесь надо. – И она погремела связкой ключей.

Бен, опираясь на рукоять, отломанную от тяпки, заковылял наружу. Руки и ноги у него затекли за два дня, проведенных в сыром обиталище, да к тому же он был измотан долгим бродяжничеством под солнцем и дождем. Санчо, в отличие от хозяина, ощущал себя вполне бодрым. Кажется, чувствуя, что злключениям их пришел конец, он то прыгал с веселым лаем на Бена, то принимался шутя атаковать щиколотки их благодетельницы, а та кричала ему «брысь!» и «прочь!», тряся юбкой, словно он был не псом, а кошкой или курицей.

На плите, гудящей от жаркого пламени, подогревались сотейник с бульоном и чайник. Бетти подкидывала дрова, не давая огню ослабнуть. На пухлой ее щеке чернело солидное пятно сажи. Бэб в это время с такой скоростью и энергией нарезала хлеб, что пальцы ее не попадали под нож лишь чудом. Бен, еще прежде, чем ему удалось это осознать, оказался в старом кресле-качалке, держа кусок хлеба с маслом в руке, который он подверг столь жадному и быстрому уничтожению, на какое способен только вконец оголодавший мальчик. Санчо не отставал от хозяина. Лежа у его ног, он далеко не по-пуделиному, а скорее с хищностью волка в овечьей шкуре грыз баранью кость.

Оставив обоих гостей продолжать их увлекательное занятие, миссис Мосс поманила дочерей следом за собой из кухни, и обеим были даны поручения.

– Ты, Бэб, сбегай к миссис Бартон и спроси, нет ли у нее какой-нибудь старой одежды, которую Билли уже не носит. А ты, Бетти, отправляйся к Каттерам. Скажешь мисс Кларинде, что мне нужна пара рубашек из тех, которые мы шили на последнем швейном собрании. Пригодились бы также любые ботинки, шляпа и носки. На бедняге-то ничего целого не осталось.

Девочки убежали, горя желанием приодеть бедствующего гостя, и так от души постарались, хлопоча перед добрыми соседями, что полчаса спустя он едва смог себя узнать, когда вышел из задней спальни, одетый в выцветший фланелевый костюм Билли Бартона, рубашку из неотбеленного хлопка, сшитую Доркас, и обутый в старые ботинки Милли Каттерс.

Вымывшись в теплой ванне, Бен следом помыл хорошенько Санчо. Тот стал белым как снег, тщательно расчесанная кудрявая шерсть заблестела, хвост с кисточкой гордо зареял, виляя, над спиной, и теперь он ничем не уступал в презентабельности фарфоровому пуделю на камине. Когда мальчик скромно предстал перед миссис Мосс и девочками, сразу же стало заметно, какое удовольствие он получает от своего нового облика и сколь приятна ему обретенная респектабельность.

Девочки встретили появление преображенных странников восторженным смехом, а гостеприимная миссис Мосс заботливо устроила их возле печки, так как волосы Бена и шерсть Санчо еще до конца не просохли.

– Тебя же просто не узнать! – воскликнула добрая женщина, с удовольствием оглядывая мальчика.

При всей изможденности и худобе он приобрел аккуратный вид и явно приободрился. Черные глаза его весело поблескивали. Казалось, от них не ускользает ни одна мелочь. Голос звучал чисто и искренне. И загорелое лицо утратило наконец напряженно-угрюмое выражение, которое явно было ему несвойственно.

– Ох и славно же, – с чувством произнес мальчик. – Мы с Санчо вам сильно обязаны, мэм, – добавил он, и лицо его зарделось под взглядами трех пар доброжелательных глаз.

Сестры с огромной скоростью накрывали к чаю, так им хотелось быстрее сесть за стол и начать общение с гостем. В тот момент, когда Бен заговорил, Бэб уронила чашку и уже готова была услышать, как она разбивается об пол, но не услышала. Мальчик изловчился подхватить

ее в воздухе. Миг – и он с легким поклоном вручил целую и невредимую чашку ошеломленной девочке.

– Святые угодники! Как ты это сделал? – вытаращилась она на него с таким видом, будто была уверена, что дело не обошлось без помощи колдовства.

– Да ерунда. Вот смотри.

Он схватил со стола две тарелки, подкинул их, закрутив, вверх, поймал и принялся снова подкидывать и ловить. Бэб и Бетти изумленно за ним следили, так широко раскрыв рты, будто готовились проглотить летающую посуду, если Бен промахнется. Миссис Мосс, стиснув в руках кухонное полотенце, наблюдала за ее полетом с вполне понятной тревогой рачительной домохозяйки.

– Ну, милые, это ни в какие ворота! – вот единственный комментарий, который от нее последовал.

Взгляд Бена тем временем метнулся к корзиночке с бельевыми прищепками. Он выхватил четыре штуки, прицепил вертикально себе на брови, нос и подбородок, задрал к потолку лицо, превратив его в подобие перевернутого вверх ножками табурета, и, словно благодаря хозяев за гостеприимство единственным способом, который сейчас ему был доступен, принялся закручивать и подкидывать блюда, а затем ловить их точнехонько на прищепки, пока на лице не образовалась целая стопка, и тогда он начал спокойно расхаживать с ней взад-вперед по кухне.

Девочки пришли в полный восторг, да и миссис Мосс до того восхитило искусное обращение Бена с посудой, что, пожелай он сейчас воспользоваться даже ее лучшей супницей, она без малейшего колебания ее бы ему предоставила. Силы, однако, у Бена иссякли. Лицо сделалось усталым и грустным. Будто он не гордился вовсе тем, что только что продемонстрировал, а, наоборот, сожалел об этом.

– Полагаю, ты выступал как жонглер, – предположила миссис Мосс, пристально глядя на мальчика, у которого сейчас был такой же вид, как когда он ответил, что его зовут Бен Браун. Иными словами, не прибегая ко лжи, он стремился одновременно не раскрывать всей правды.

– Да, мэм. Я помогал раньше синьору Педро – величайшему волшебнику мира. Ну и обучился кое-каким его трюкам, – с напускным простодушием пробормотал мальчик.

– Слушай-ка, милый, – строго сказала миссис Мосс. – Тебе стоило бы рассказать мне про себя честно, как есть. Иначе я буду вынуждена отправить тебя к судье Моррису. Мужчина он суровый. Так что, коли ты не совершил ничего дурного, не бойся и поведай, какие там у тебя обстоятельства. Тогда я помогу тебе чем могу. – И она опустила в кресло-качалку, как королева, открывающая аудиенцию.

– Я не боюсь, – откликнулся мальчик. – И плохого впрямь ничего не сделал. Но возвращаться к прошлому не хочу. А вам, возможно, и захочется сообщить обо мне, если я вам все расскажу. – Бен разрывался между доверием к новому другу и страхом перед старыми врагами.

– Коли там скверно с тобой обращались, то, будь спокоен, ничего они от меня про тебя не узнают. Расскажи все как есть, и я тебя поддержу, – заверила миссис Мосс. – Девочки, сбегайте за молоком, – повернулась она к дочерям.

– Ой, ма! Позволь нам остаться! Мы тоже никому-никому ничего не расскажем! Честно! Честно! – взмолились Бэб и Бетти, не желая быть выставленными, когда тайна Бена вот-вот выйдет наружу.

– Я ничего против их присутствия не имею, – проявил великодушие Бен.

– Ладно, – сдалась миссис Мосс. – Но хорошенько держите язык за зубами. Итак, – перевела она взгляд с дочерей на Бена. – Откуда же ты появился?

Девочки торопливо уселись на скамейку, стоявшую напротив маминого кресла-качалки. С этого места, изнывая от любопытства, они выжидающе наблюдали за Беном.

Глава четвертая

Его история

– Я сбежал из цирка, – начал Бен, однако продолжить ему удалось далеко не сразу, потому что Бэб с Бетти, подпрыгнув, радостным хором выкрикнули:

– Мы знаем! Мы были! Цирк – это так чудесно!

– Знай вы о нем с мое, он бы вам понравился меньше. – Бен нахмурился и заерзал, словно все еще ощущая боль от полученных в цирке побоев. – И чудесным вы бы его точно не назвали. Правда, Санчо? – добавил он, сопроводив вопрос, обращенный к псу, каким-то странным звуком. Пудель, дотоле мирно лежавший у ног хозяина, налаживая знакомство с новыми ботинками, в которые тот был обут, зарычал и принялся бить хвостом по полу.

– А как ты там оказался? – любопытствовала растревоженная его словами миссис Мосс.

– Отец мой – Дикий Охотник с Равнин. Неужто о нем не слышали и не видали его никогда? – недоуменно спросил мальчик, заметив, что громкое имя его родителя ровным счетом ничего не говорит доброй женщине.

– Благослови твое сердце, дитя, но мне уж лет десять не приходилось бывать в цирке. Теперь и не упомянуть, что и кого я там видела, – покачала головой миссис Мосс, заинтригованная историей Бена и одновременно тронутая проникновенным тоном, которым он говорил об отце.

Бен повернулся к девочкам:

– А вы его не видели?

– Мы видели индейцев. И акробатов. И Прыгающих Братьев из Борнео. И клоуна. И обезьянок. И крохотного пони с голубыми глазами. Твой папа не был одним из них? – с надеждой спросили они.

– Он не из этой компании, – махнул рукой Бен. – Он наездник. Его номером открывалось каждое представление. Скачка на двух, четырех и даже восьми лошадях. И я выступал с ним вместе, пока не вырос. На отце моем все держалось. И никакими делами больше он не занимался, кроме как выступал да лошадей объезжал. – Бен произнес это с такой гордостью, будто речь шла о президенте большой страны.

– Ты хочешь сказать, он умер? – осторожно осведомилась миссис Мосс.

– Не знаю. О нем нет никаких вестей, – сдавленным голосом отозвался Бен и судорожно вздохнул, как случается, когда к горлу внезапно подкатывает комок.

– Расскажи, дорогой, нам побольше, и мы, возможно, сумеем выяснить, где он. – Миссис Мосс подалась вперед и ласково провела ладонью по темным блестящим волосам мальчика, в то время как он вдруг резко склонил лицо к пуделю.

– Да, мэм, спасибо. Конечно же, я расскажу. – И с трудом подчинив себе дрогнувший голос, он постарался спокойно и ровно продолжить: – Отец был всегда очень добр ко мне. Мы зажили вместе после того, как умерла бабушка, и мне очень нравилось с ним жить. Он сразу начал меня обучать верховой езде, и посмотрели бы вы на меня тогда. Маленький, в белых лосинах, розовой курточке и с золотым ремнем, я стоял на плече у отца или висел на хвосте старого Генерала, который несся полным галопом. А в номере, где отец управлял тремя лошадьми, я стоял на его голове и размахивал флагом. Публика бешено нам аплодировала.

– И тебе не было страшно? – Бетти бросило в дрожь от одной только мысли, что можно отважиться на такое.

– Нисколечко. Потом я стал во время парадов-алле² управлять колесницей, запряженной четырьмя пони, – продолжал Бен. – И сидел на огромном шаре, который был установлен наверху кареты, а тащили ее Ганнибал с Нероном. Вот это не шибко мне по душе приходилось. Во-первых, ужасно высоко, во-вторых, трясло, да солнце еще к тому же голову припекало, ветви деревьев хлестали меня по лицу, а ноги болели от напряжения, до того трудно было удержаться на этом шаре.

– А кто такие Ганни Бал с Ныроном? – спросила Бетти.

– Большие слоны, – пояснил мальчик. – Отец никогда не позволял сажать меня на этот шар. Но когда он исчез, мне пришлось. Иначе меня бы побили.

– И неужели никто за тебя не заступался? – охнула миссис Мосс.

– Случалось, мэм. Большею частью леди. Они все ко мне очень по-доброму относились, особенно Мелия. Она поклялась, что не станет участвовать в номере Таннимант, если меня снова побьют за отказ от помощи старому Баку с медведями. Ну им и пришлось уняться. Она в этом номере была ведущей. Где бы они еще нашли такую наездницу.

– Ой, расскажи про медведей, – попросила Бэб, которой в цирке больше всего нравились звери.

– У Бака их было пять. Старых и сердитых. Он с ними выступал. Мне один раз пришло в голову просто поиграть с ними, а он решил, что, если я с ними выступлю вместо него, номер станет гораздо успешнее. Но они слишком крепко обнимались со мной и когтями цапали. Не очень-то было приятно. Да и не поймешь никогда, добродушны они или голову приготовились откусить. Бак-то весь в шрамах ходил от их когтей да зубов. Мне такого не хотелось. Миссис Сент-Джонс за меня вступилась. Она хороший человек.

– А кто такая миссис Сент-Джонс? – Миссис Мосс успела уже запутаться в обилии новых имен.

– Да та же самая Мелия, она же миссис Смизерс, жена инспектора манежа, который одновременно Монтгомери, хотя он не больше Монтгомери, чем она Сент-Джонс. В цирке все имена себе меняют на такие, которые покрасивее выглядят на афишах. Папа мой назывался Хозе Монтебелло, а я стал Адолфусом Блумсберри, после того как вырос из Летящего Херувима и Чудо-Ребенка.

Миссис Мосс, откинувшись на спинку кресла-качалки, расхохоталась, до того ее рассмешили все эти курьезы. Девочек удивило ее веселье. Вымышленные имена цирковых артистов показались им верхом шика и элегантности. Миссис Мосс, впрочем, снова быстро настроилась на серьезный лад и приготовилась слушать историю дальнейших злоключений гостя.

– Продолжай, Бен. Что же стало потом с твоим папой? – спросила она, ибо судьба появившегося у них мальчишки волновала ее все больше и больше.

– Ну, понимаете, мой отец поссорился со старым Смизерсом и перед тем, как осенью завершился шатровый сезон, вдруг взял и уехал. Вроде как собрался в Нью-Йорк, где есть знаменитая школа наездников. Сказал, что устроится, а потом пошлет за мной. Ну, я и остался помогать Педро. Он фокусник, и мы с ним ладили. Мелия за мной приглядывала. Какое-то время я был вполне доволен. Но отец все не присылал и не присылал никого за мной, и для меня наступили скверные времена. Если бы не Мелия и Санчо, сбежал бы гораздо раньше.

– И что же тебе приходилось делать?

– Да много чего. Жизнь в цирке пошла сложная, а мне смекалки было не занимать. Смизерс именно так и сказал однажды и заставил меня всю заниматься акробатикой. Я не против был выступать с фокусами или с Санчо. Отец так его замечательно выдрессировал, что вел он себя на арене со мной превосходно. Но в цирке меня захотели приучить к джину, чтобы я перестал расти. Моему отцу такое точно уж не понравилось бы. Я это понимал и отказывался.

² *Парад-алле* – выход на арену в цирке всех участников представления перед его началом.

Наездником мне выступать вполне подходило, пока я не свалился однажды и не ушиб сильно спину. После этого ездить мне стало больно и голова кружилась, но меня все равно заставляли. Слабость была ужасная. Я постоянно падал.

– Ну и зверь же этот человек, – возмутилась миссис Мосс. – Что же Мелия не положила конец его издевательствам?

– Она умерла, мэм. И друзей у меня никого не осталось, кроме Санчо. Вот я и убежал.

Воспоминание о Мелии вызвало у него слезы, скрывая которые Бен снова склонился над Санчо и начал его гладить.

– А что ты собираешься делать дальше? – спросила миссис Мосс.

– Найти отца. Но не получилось. В школе наездников его уже не было. Мне там сказали, что он уехал на запад покупать мустангов для какого-то человека, которому их потребовалось большое количество. Такая вот безнадежность, мэм. Отец невесть где. А к Смизерсам возвращаться – снова сплошные побои. Попросил было, чтобы в школу наездников меня взяли, но мальчики им не требовались. И остался для меня один выход: идти дальше с надеждой где-то найти работу. И умер бы я, вероятно, в итоге от голода, если б не Санчо. Мне пришлось его в цирке оставить привязанным, когда я убежал. Боялся, что иначе меня в воровстве обвинят. Пес-то ведь очень ценный, мэм. Лучшая трюковая собака из всех, что я видел. Им его вернуть захотелось бы гораздо сильнее, чем меня. Жаль мне, конечно, было с ним расставаться, да и принадлежал он отцу. Но пришлось. И когда темной ночью я смылся из цирка, думал, что никогда больше его не увижу. К утру я уже был за много миль от цирка. Пристроился в чьем-то сарае позавтракать, и, как раз когда до тоски одиноко мне сделалось, Санчо ко мне туда и ворвался. Грязный весь, мокрый, веревка длинная за ним тянется. Он перегрыз ее, значит, и следом за мной побежал. И покидать меня больше не собирался. Ну и я уж теперь его никогда не оставлю. Правда, старина?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.